

ИСТОРИЧЕСКИЕ **Сенсации**

БѢА БЫТИ ѿ СТАГО ПИСАНІА НАЧНХОМЕА, НЖЕ НЗБРАНН
ВЯЧЕСЛАВ МАНЯГИН, КО ЕПІСАЕМЪ НПОЩАЕТ

КУРБСКИЙ ПРОТИВ ГРОЗНОГО

ИЛИ

450 ЛЕТ ЧЕРНОГО ПИАРА

Испытаеа чистое сердце, БГОЛЮБИВАГО, Н БЛГОЩЕДРОТНАА
ОУТРОБА, ЦЕЛОМРАГО ВО РГЫХЪ АЛЕХІА, ЧЕЛОВѢКА БЖІА,

Исторические сенсации

Вячеслав Манягин

**Курбский против Грозного,
или 450 лет черного пиара**

«Алисторус»

2012

УДК 94(47)
ББК 63.3

Манягин В. Г.

Курбский против Грозного, или 450 лет черного пиара /
В. Г. Манягин — «Алисторус», 2012 — (Исторические сенсации)

ISBN 978-5-4438-0160-5

Россию до Ивана Грозного на Западе почти не знали. Но когда «изумленная Европа увидела у себя под боком огромную империю» (К. Маркс) под управлением умного и решительного московского царя, то западные страны начали первую в истории кампанию черного пиара против России. Главным орудием этой кампании стал польский шпион и перебежчик на Запад князь Курбский, написавший клеветнические воспоминания о политической и общественной жизни Московского царства. С тех пор прошло 450 лет, но вплоть до наших дней многочисленные последователи Курбского использовали его «наработки» для очернения России, русского народа и русских правителей. В этой книге разоблачаются антирусские наветы и приводятся сенсационные выводы: исторический образ Ивана Грозного был сфальсифицирован агентами влияния Запада, начиная от Курбского и Карамзина и заканчивая некоторыми современными историками.

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-4438-0160-5

© Манягин В. Г., 2012
© Алисторус, 2012

Содержание

Часть I. На баррикадах истории	6
1. Вопрос о власти	6
2. Карамзин – фальсификатор истории	10
3. Не зарастет к царю народная тропа...	14
4. Мистическая геополитика	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вячеслав Манягин
Курбский против Грозного,
или 450 лет черного пиара

© Манягин В. Г., 2012

© ООО «Издательство Алгоритм», 2012

* * *

Часть I. На баррикадах истории

1. Вопрос о власти

«Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно», – сказал поэт. А если в обществе не прекращается спор на грани скандала? Если нет в нем равнодушных и каждый, узнав о дискуссии, спешит занять свое место по ту или иную сторону баррикад? Не значит ли это, что объект спора зацепил всех за живое?

Именно такова дискуссия о царе Иоанне Грозном. Несмотря на то, что он скончался более четырехсот лет назад, имя его и поныне вызывает острый интерес. О нем спорят политики и богословы, патриоты и космополиты, о нем пишут (причем все больше и больше) журналисты и писатели, а обыватель с ненасытной алчностью набрасывается на их писания, скупая монографии, очерки и романы о Грозном царе.

С чем же связан такой интерес к нему, чем объясняется его актуальность, его востребованность как политика и национального лидера для одних и резкое неприятие – для других?

Сегодня Россия находится в условиях, подобных тем, что были при воцарении Иоанна Грозного: значительные территории Русской империи (Малороссия, Белая Русь, Северный Казахстан) отторгнуты от центра; у государственного руля вместо прежних бояр – олигархи; в Церкви рвутся к власти еретики и филокатолики; России угрожают сильные внешние враги. В Прибалтике, подобно Ливонскому ордену, стоят войска НАТО, на Украине правят бал унитаты, на юге бряцают оружием почуявшие добычу османы, на востоке вместо татарских орд – китайские. Вновь, как уже не единожды за прошедшие века, стоит вопрос о самом существовании Русского государства и русского народа.

Один известный архимандрит-историк восклицает: «сегодня личность Ивана Грозного переживает необычайное мифологическое переосмысление». Ему ли, историку, иноку, знатоку человеческих душ, не ясно, почему русский народ обратился за примером и молитвенной защитой к Грозному царю? Да потому что тот за время своего правления наработал огромный духовный, политический и военный опыт по преодолению тех угроз, которые ныне опять нависли над Россией.

Вовсе не некое «мифологическое переосмысление» вызвало в народе интерес к личности Грозного, а то, что он сумел с угрозами справиться, и это делает его самого, его мировоззрение и методы востребованными именно в наше время. Вот почему вокруг личности первого Русского царя – помазанника Божьего – идут такие ожесточенные идеологические битвы, смысл которых непонятен стороннему наблюдателю. На самом деле вопрос стоит о том, каким путем пойдет русский народ и Русское государство, и это для нас вопрос жизни и смерти.

Но сохранение целостности Российского государства и национальной идентичности государствообразующего русского народа неотделимо от вопроса о власти, ибо только имея в руках всю полноту власти, можно преодолеть вызовы современности.

Именно потому, что речь идет о власти, царь Иоанн Грозный и подвергается сегодня такой неслыханной обструкции. А тут еще, опасаясь возрождения сильной и православной России, такие американские «друзья» нашего Отечества, как Альберт Гор, советуют нам идти «не путем Александра Невского, а путем Новгорода Великого» – то есть, не путем православной монархии, а путем торгашеской республики.

Собственно, Гора и других наших американских «доброхотов» можно понять. В нынешний ключевой исторический момент решаются судьбы мира, решается, по какому сценарию пойдет развитие человечества. Будет ли в американском Капитолии заседать новый сенат возрожденной языческой Римской империи, а все культурное, политическое и религиозное мно-

гообразие мира сменится единым Рах Americana с его бесноватым президентом, вульгарным Голливудом и сальными гамбургерами? Либо же сохранится альтернатива этой вселенской пошлости в лице великой православной России, способной сказать миру спасительное слово истины и любви?

Как и сто лет назад,

Единство, – прокричал оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью,
Но мы попробуем спаять его любовью!
А там посмотрим, что сильней...

Но, чтобы так было, необходимо прежде всего сохранить единство России, возродить ее как великую православную империю, и не просто возродить, а, как предсказывали великие пророки русского Православия, через беды и скорби, ценой великих страданий, «объединить православных славян в одну могучую державу, страшную для врагов Христовых» (св. прп. Серафим Саровский).

Именно этого – создания великой православной славянской империи, преодолевшей все вызовы современного ей мира, – смог в свое время добиться Иоанн IV. Государственное здание, построенное им, было так крепко, что устояло в Смуту и выдержало полтора столетия без «капитального ремонта» – до преобразований Петра Великого (считавшего себя последователем Грозного царя) Московского царства в Российскую империю.

Но и созданное Иоанном IV государство уже было империей в полном смысле слова. Неудивительно, что императором всех православных почитали царя томящиеся под османским игом народы: сербы, греки, болгары. Но и западные европейцы воспринимали Московское государство XVI века как империю. Француз Ж. Маржерет назвал свои мемуары о России конца XVI – начала XVII века «Состояние Российской империи и Великого княжества Московского» с полным пониманием того, что после Иоанна Грозного Московское княжество стало хотя и главной, но все же частью огромной империи, объединившей многие народы и царства.

Аналоги Московской империи надо искать не в Европе с ее абсолютной (а затем «просвещенной») монархией и «общественным договором» власти с народом, а в азиатской древности библейских времен. Основополагающие принципы Московского государства XVI–XVII вв. (облагороженные светом Христовой веры) были те же, что в архаических государствах Междуречья, Египта, доколумбовой Америки. Но лучше всего суть Московского государства можно понять по аналогии с ветхозаветным Израилем, той частью его истории, которая протекала до Вавилонского пленения. В Византийской империи эти государственные принципы пережили крушение древнего мира и вместе с православным учением о священстве и царстве попали на Русь. (Не случайно на пропаганду преемственности Московского царства, с одной стороны, от Рима – как первого центра христианства, а с другой, от Вавилона – как первого на земле царства, была направлена значительная часть русской литературы XVI века от «Степенной книги» до «Повести о Борме Ярыжке».)

Для всех государств архаического типа были характерны:

1) **Сакральность и самодержавность верховной власти.** Власть правителя была освящена высшими силами, а он сам либо приравнивался к божеству, либо был его «потомком»; он владел властью безраздельно, т. е. самодержавно (фараон, верховный инка, вавилонский царь, древние израильские цари).

В Московском царстве государь – помазанник Божий (помазанник по-гречески – Христос, по-еврейски – Мессия), он правит самодержавно и не зависит ни от каких социальных

групп или партий, но действует в соответствии с законом Божиим во благо всех своих подданных, отвечая лишь перед Богом.

2) **Государственная** (общенародная – выражаясь современным языком) **собственность на землю**. Земля – Божия, она не продается, а дается всем людям в пользование от имени государства и олицетворяющего это государство самодержца. Как замечательно доказал И. Шафаревич, государства Междуречья, Египет, империя инков практиковали государственное землевладение. Земля отдавалась в пользование тем, кто служил государству (причем это были как мелкие служилые люди, так и высокопоставленные государственные сановники) и земледельцам.

В Московской Руси государственное землевладение пришлось создавать в ожесточенной борьбе с крупными землевладельцами – боярами и удельными князьями. На протяжении двух веков шло неуклонное сокращение частного землевладения и развитие поместной системы. Боярские и княжеские владения приравнивались к помещичьим наделам, которые давались только на время несения государственной службы, а с ее прекращением отнимались и возвращались в фонд государственных земель.

3) **Сословная система организации общества**. Сословия – социальные группы, различающиеся по своим обязанностям перед обществом и государством, несущие каждая свое особое послушание. Земледелец кормит воина и чиновника, воин защищает чиновника и земледельца, чиновник «наблюдает землю» и помогает государю управлять. Особенно важна в такой системе справедливость распределения обязанностей, так как от нее зависит восприятие различными сословиями возложенных на них тягот – как сизифова труда или как сотрудничества во имя общей цели.

Сам термин «сословие» (слово-язык-народ) обозначает нечто объединяющее нацию, с ярко выраженным положительным смыслом. Сословность – это государственное тело, живой государственный организм. Сословия трудятся совместно во имя сверхцели, сверхидеи, одинаково важной для всего народа. Например, совсем недавно признавалось аксиомой, что пирамиды в Египте возводились рабами. Но оказалось, что пирамиды строило все население Египта, разбитое на трудовые отряды, причем это строительство было сакральным действием, участвовать в котором считалось почетным.

В православном государстве сотрудничество поднимается на более высокую ступень. Здесь сословия трудятся во имя такого государства, которое является внешней стеной Церкви, способствуя ее трудам по спасению народа Божиего и, таким образом, работают не просто для какого-либо земного учреждения, а Бога ради.

В отличие от сословий, для которых вопрос собственности есть вопрос второстепенный, имеющий узкое значение «хлеба насущного», необходимого для сохранения жизнедеятельности, классы различаются по своему отношению к собственности и разделяют общество на группы, каждая из которых преследует свои частные меркантильные интересы, стремится захватить для себя в обществе определенные преимущества, а потому вступает в конфликт с другими классами. Такое противостояние разрушает общество изнутри, ибо, как известно, «царство, разделившееся в себе, не устоит». Образно говоря, классы – это сословия, потерявшие веру в Бога, в жизнь вечную (однова живем, а умрем – закопают, и лопух вырастет), потерявшие объединяющую сверхидею.

Нет сомнения, что московские государи, приступая к строительству своего государства, знали данные «архаичные» принципы и уже имели определенный план, который неуклонно выполняли, передавая знания от отца к сыну на протяжении столетий. Его важной составной частью было построение справедливого, сословного общества, просвещенного христианским учением.

К концу XV века соединение таких принципов с Православной верой позволило создать государство, которое наши предки называли Святой Русью. Для них проявлением и подтвер-

ждением этого стало чудесное – бескровное – падение татарского ига в 1480 г. Но полного развития Святая Русь достигла при Иоанне IV, со времени царствования которого и начался бурный рост Московской империи.

Больше всего нынешние враги России и Православия боятся, что мы сможем повторить то «русское чудо» четырехвековой давности, поражавшее европейцев и много лет спустя (помните слова Карла Маркса о том, как «перед изумленной Европой предстала...»). Ведь Россия имеет удивительную способность восставать из праха, словно птица Феникс.

2. Карамзин – фальсификатор истории

Самый верный способ не допустить Русского Воскресения – опорочить те идеи, которые двигали русским народом в период создания имперского государства, опорочить результаты тех титанических трудов, которые принесли славу и могущество России, опорочить того национального вождя, который возглавил движение русского народа к победе над его внешними и внутренними врагами – царя Иоанна Грозного.

Именно на это направлены уже более двухсот лет усилия историков, публицистов и журналистов либерального (в самом широком смысле данного слова) лагеря. Правда, до начала XIX века только отъявленные ренегаты, в основном из числа эмигрантов (вроде князя Курбского да Григория Котошихина), осмеливались порочить Грозного царя.

Однако все изменилось с появлением творений Карамзина. Митрополит Иоанн (Снычев) писал о них так: «Начиная с Карамзина, русские историки воспроизводили в своих сочинениях всю ту мерзость и грязь, которыми обливали Россию заграничные гости, не делая ни малейших попыток объективно и непредвзято разобраться в том, где добросовестные свидетельства очевидцев превращаются в целенаправленную и сознательную ложь по религиозным, политическим или личным мотивам. В наше сознание внедрен образ кровожадного и безнравственного тирана, убивающего своего сына».

Действительно, усилиями Карамзина в обществе восторжествовал взгляд на Иоанна IV как на некое кровожадное обезумевшее чудовище. Сам историограф Государства Российского сделал для того все возможное. «Без главы о Иване Грозном, – писал Карамзин в одном из своих писем, – моя история будет как павлин без хвоста». И потому раскрашивал этот «хвост» самыми мрачными красками. «Волосы вставляли у меня дыбом», – вспоминал граф А. К. Толстой о своем знакомстве с посвященным царю Иоанну томом из «Истории» Карамзина. И вскоре, под впечатлением от прочитанного, он написал по его мотивам своего «Князя Серебряного». Одно сочинительство вызвало к жизни другое. Так творились мифы.

Знаменитый церковный историк Н. Д. Тальберг говорил, что Карамзин буквально ненавидел Грозного царя. Литературовед И. И. Векслер отметил, что «История» Карамзина более тяготеет к художественной интерпретации, чем к точному и беспристрастному историческому анализу. Известный критик-демократ В. Белинский писал, что «главная заслуга Карамзина, как историка России, состоит не в том, что он написал истинную историю России, а в том, что он создал возможность в будущем истинной истории России».

Верно подмечено, что сочинение Карамзина более художественное произведение в стиле сентиментализма, нежели исторический труд. Однако это еще полбеда. Беда в том, что человек, получивший звание официального историографа Государства Российского, был болен тяжелой формой русофобии.

Посчитав, что уже отдал долг Родине, Карамзин в 18 лет (!) вышел в отставку с государственной службы и сошелся с масонами. С того времени Карамзин – член масонской «Ложы Златого Венца», человек, весьма близкий к известным деятелям русского масонства. По словам доктора исторических наук Ю. М. Лотмана, «на воззрения Карамзина глубокий отпечаток наложили четыре года, проведенные им в кружке Н. И. Новикова. Отсюда молодой Карамзин вынес утопические чаянья, веру в прогресс и мечты о грядущем человеческом братстве под руководством мудрых наставников».

Добавим к этому – и презрение ко всему русскому: «...Мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше! Грубость, народная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею в самом высшем состоянии: для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все народное ничто перед человеческим. Главное быть людьми, а не славянами» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника). Ничто

родное не трогает душу столь сентиментального в иных случаях «русского Тацита». Прогуливаясь вдоль кремлевской стены, он мечтает о том, как хорошо было бы ее снести, дабы она не портила панораму...

В то же время Карамзин преклоняется ниц перед иностранными тиранами, с многими из которых он познакомился лично во время путешествия по Европе. В издаваемом Карамзиным журнале «Вестник Европы» (№ 2 за 1802 г.) можно прочесть: «Бонапарте столь любим и столь нужен для счастья Франции, что один безумец может восстать против его благотельной власти». Декабрист Николай Тургенев вспоминал о Карамзине: «Робеспьер внушал ему благоговение...»

И это о людях, утопивших Европу в крови! Вот описание революционного Парижа сентября 1792 г. французским историком Тэном: «Неизвестно в точности, кто отдал приказ или внушил идею опустошить тюрьмы посредством избиения заключенных. Был ли то Дантон или кто другой – все равно... Во время самого совершения убийств не прекращалось веселье; танцевали вокруг трупов, устанавливали скамьи для «дам», желавших видеть, как убивают аристократов. При этом убийцы не переставали выказывать совершенно специфическое чувство справедливости. Один из убийц заявил трибуналу, что дамы, сидящие далеко, плохо видят, и что лишь некоторым из присутствующих выпадает на долю удовольствие бить аристократов. Трибунал признал справедливость этого замечания и решено было осужденных медленно проводить между шпалерами убийц, которые будут бить их тупым концом сабли, чтобы продлить мучения. Они кромсали совершенно обнаженные жертвы в течение получаса и затем, когда все уже вдоволь насмотрелись, несчастных приканчивали, вскрывая им животы...

Так, перерезав от 12 000 до 15 000 врагов нации, толпа немедленно подчинялась новому внушению. Кто-то высказал замечание, что и в других тюрьмах, там, где сидят старые нищие, бродяги и молодые арестанты, много находится лишних ртов, от которых недурно было бы избавиться; притом ведь между ними, несомненно, должны существовать и враги народа... Такие доводы показались настолько убедительными толпе, что все заключенные были перебиты гуртом, и в том числе около пятидесяти детей в возрасте от 12 до 17 лет, «которые ведь также могли со временем превратиться во врагов нации, поэтому лучше было отделаться от них теперь же».

Благоговей перед вдохновителями этого революционного террора, Карамзин между тем обличает «террор» самодержавный. Как видно, двойные стандарты возникли не сегодня. Но фальшь карамзинских сочинений уже тогда вызвала отвращение у многих.

Сразу же по выходе карамзинская «История» подверглась критике со стороны всех православных и патриотически мыслящих людей того времени. Резко высказались о ней святитель Филарет (Дроздов) и адмирал Шишков. По словам кандидата исторических наук В. П. Козлова (статья «Н. М. Карамзин – историк»):

1. «...Весьма показательны для творческой лаборатории Карамзина серьезные “текстологические лукавства”, подмеченные еще Н. И. Тургеневым, Н. С. Арцыбашевым, Ф. В. Булгариным. Их можно разделить на два типа. Для первого характерно исключение в “Примечаниях” тех мест источников, от которых Карамзин отступал в повествовании. В этих случаях историограф в “Примечаниях” предпочитал ограничиться общей ссылкой на источник...»

2. «...Другой тип “текстологических лукавств” историографа – публикация в “Примечаниях” только тех частей текстов источников, которые соответствовали его повествованию, и исключение мест, противоречивших этому».

3. «...Потребительское использование Карамзиным источников вызвало немало критических замечаний у современников. Будущий поклонник историографа М. П. Погодин после первых чтений “Истории” назвал это “непростительным”. То же самое отмечал Ф. В. Булгарин в разборе 9-го тома. “Вообще, – писал он, – кажется странным, что Маржерет, Петрей, Бер, Паерле, многие польские писатели и подлинные акты приводятся по произволу, в подкреплении

ние мнений почтенного историографа, без всякого доказательства, почему в одном случае им должно верить, а в другом – не верить».

Николай Сергеевич Арцыбашев (1773–1841) написал ряд критических работ, объединенных под общим названием «Замечания на «Историю» Н. М. Карамзина». В частности, он доказал крайнюю недостоверность одного из основных источников которыми пользовался Карамзин для составления IX тома своей «Истории» – сочинения князя Курбского «История о Великом князе Московском».

Другим защитником Грозного царя стал Иван Егорович Забелин (1820–1908) основатель Российского исторического музея, автор исследований о быте русских государей. Вот что он пишет: «...Каждый разумный историк встанет на сторону Грозного, ибо... он содержал в себе идею, великую идею государства...» В тетради «Заметки» за 1893–1894 годы Забелин, оппонировав Карамзину, восклицает от имени царя: «Чего ужасаетесь? Вспомните, историки-подзуды, каков был Новгород Великий, какую кровь он проливал от начала до конца своей жизни, погублял свою братию неистово, внезапно. Сколько побитых? Они все здесь. Переспросите их. Каково было их житие? Кто управлял событиями в татарское время и заводил кровь между князьями? Все это мне пришло в голову в 1570 г., и я наказал город по-новгородски же, как новгородцы наказывали друг друга... в давние лета. Ничего нового я не сочинял. Все было по-старому. Только в одно время, в шесть недель повторено то, что происходило в шесть веков. А казнил за измену, за то, что хотели уйти из единства в рознь. Я ковал единение, чтобы все были как один человек».

Кстати, императрица Екатерина II, полемизируя с Радищевым (который в «Путешествии из Петербурга в Москву» также «обличал жестокость» Иоанна IV), возражает дворянскому вольнодумцу: «Говоря о Новгороде, о вольном его правлении и о суровости царя Иоанна Васильевича, не говорит о причине сей казни, а причина была, что Новгород, приняв Унию, предался Польской Республике, следовательно царь казнил отступников и изменников, в чем, по истине сказать, меру не нашел. Сочинитель вопрошает: «Но какое он имел право свирепствовать против них, какое он имел право присвоить Новгород?» Ответ: древность владения и закон Новгородский и всея России и всего света, который наказывал бунтовщиков и от церкви отступников».

Вот причина суровости царя Иоанна к новгородцам: бунт (сепаратизм, говоря современным языком) и отступление от православия в ересь жидовствующих. Уже упоминавшийся выше Забелин говорит о том же: «Он выводил измену кровавыми делами. Да как же иначе было делать это дело? Надо было задушить Лютого Змия – нашу славянскую рознь, надо было истребить ее без всякой пощады... Понятно, почему так рассвирепел Иван Грозный, услышав об измене Пимена, что хотел отдаться Литве».

Крупный литературный критик, социолог, публицист (и демократ!) второй половины XIX века Николай Константинович Михайловский (1842–1904), комментируя сочинения Карамзина и его последователей, замечает: «Наша литература об Иване Грозном представляет иногда удивительные курьезы. Солидные историки, отличающиеся в других случаях чрезвычайной осмотрительностью, на этом пункте делают решительные выводы, не только не справляясь с фактами, им самим хорошо известными, а... даже прямо вопреки им: умные, богатые знанием и опытом люди вступают в открытое противоречие с самыми элементарными показаниями здравого смысла; люди, привыкшие обращаться с историческими документами, видят в памятниках то, чего там днем с огнем найти нельзя, и отрицают то, что явственно прописано черными буквами по белому полю».

Даже среди советских ученых были исследователи, которые подходили к рассмотрению фактической стороны данного вопроса объективно. Один из них, академик Степан Борисович Веселовский (1876–1952), так охарактеризовал итоги изучения эпохи Грозного: «В послекарамзинской историографии начался разброд, претенциозная погоня за эффектным широ-

кими обобщениями, недооценка или просто неуважение к фактической стороне исторических событий... Эти прихотливые узоры “нетовыми цветами по пустому полю” исторических фантазий дискредитируют историю как науку и низводят ее на степень безответственных беллетристических упражнений. В итоге историкам предстоит, прежде чем идти дальше, употребить много времени и сил только на то, чтобы **убрать с поля исследования хлам домыслов и ошибок, и затем уже приняться за постройку нового здания**».

Советский историк Даниил Натанович Альшиц, стоявший на марксистских позициях, жестко критиковал источниковедческую базу карамзинской «Истории»: «Число источников объективных – актового и другого документального материала – долгое время было крайне скудным. В результате источники тенденциозные, порожденные ожесточенной политической борьбой второй половины XVI века, записки иностранцев – авторов политических памфлетов, изображавших Московское государство в самых мрачных красках, порой явно клеветнически, оказывали на историографию этой эпохи большое влияние... Историкам прошлых поколений приходилось довольствоваться весьма путанными и скудными сведениями. Это в значительной мере определяло возможность, а порой и создавало необходимость соединять разрозненные факты, сообщаемые источниками, в основном умозрительными связями, выстраивать отдельные факты в причинно-следственные ряды целиком гипотетического характера. В этих условиях и возникал подход к изучаемым проблемам, который можно кратко охарактеризовать как примат концепции над фактом».

3. Не зарастет к царю народная тропа...

На протяжении двух столетий не затихает полемика с последователями Карамзина, которых, к сожалению, достаточно и среди церковных, и среди светских историков: митрополит Макарий (Булгаков), А. П. Доброклонский, А. В. Карташев, М. М. Щербатов, М. П. Погодин, Н. Г. Устрялов, Н. И. Костомаров, Д. И. Иловайский, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, С. Б. Веселовский. Из советских историков – противников царя Иоанна можно назвать известного (и весьма компетентного) ученого Р. Г. Скрынникова, Зимина и Хорошкевич, Кобрин, С. О. Шмидта. По форме объективную, но, по сути, антицарскую позицию занимает в своих книгах Б. Н. Флоря. Все они, так или иначе, склоняются к негативной оценке личности царя Иоанна Грозного.

С другой стороны, и тех ученых, которые противостояли огульному очернительству державной политики Иоанна Грозного, было немало. В той или иной мере к таковым можно отнести Н. С. Арцыбашева, И. Е. Забелина, Е. Е. Голубинского, К. Д. Кавелина, К. Н. Бестужева-Рюмина, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. А. Мей, А. И. Сумбатова, Р. Ю. Виппера. В сталинский период благодаря личным симпатиям Иосифа Виссарионовича к царю Иоанну появилась возможность публиковать объективные исторические работы о Грозном. В частности, можно отметить труды историков С. В. Бахрушина и И. И. Смирнова.

Однако после начала хрущевской «оттепели» правда о царе Иоанне вновь оказалась под запретом. И только после 1991 г. стало возможным открыто заявлять по спорному вопросу точку зрения, отличную от официальной. Сегодня, как уже говорилось, вокруг наследия царя Иоанна IV идет ожесточенная борьба.

Показательным примером ее можно назвать попытку (2005 г.) установить памятник царю Иоанну в г. Любим Ярославской области. Местная администрация согласилась оплатить расходы по проектированию и установке монумента, а за его создание взялся сам Зураб Церетели. Идею установки памятника поддержали и жители города.

Однако решительный протест по этому поводу высказала Ярославская епархия РПЦ МП и лично архиепископ Ярославский и Ростовский Кирилл, который в своем послании губернатору, областному прокурору и главному федеральному инспектору потребовал не устанавливать памятник царю Иоанну IV. Причиной стал абсолютно надуманный предлог, будто установление памятника Грозному приведет «к самым непредсказуемым последствиям, ухудшит криминогенную ситуацию в районе» и может стать «дестабилизирующим фактором».

Такая позиция высокопоставленного церковного иерарха удивительна только для тех, кто «не в теме». Среди многих архиереев РПЦ царят антимонархические настроения, популярные еще со времен февральской (1917 г.) революции, когда почти все представители православного священноначалия приветствовали «новую жизнь» без царя, ожидая некой свободы. Урок послереволюционных гонений явно не пошел им впрок, и они по-прежнему видят главную для себя опасность не в гонениях от безбожной власти, а в по-отечески строгой руке помазанника Божия. Можно назвать, например, митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации, который выступил на Архиерейском Соборе РПЦ МП (октябрь 2004 г.) с развернутой, но беспомощной критикой сторонников державной политики Иоанна Грозного.

Позицию цареворцев в Русской Православной Церкви поддерживают Александр Дворкин, Владислав Петрушко, прот. В. Цыпин, диакон Андрей Кураев, архимандрит Макарий (Веретенников) и многие другие, «имя им легион».

Неспособные к честной дискуссии, ограниченной рамками фактов, они распространяют свое неприятие самодержца на всех тех, кто сегодня не спешит покорно послушествовать их клевете, а стремится иметь свой, православный, патриотический, русский взгляд на историю

Великой России и на роль в ней первого русского царя – помазанника Божьего Иоанна Васильевича Грозного.

Присвоив себе право говорить от имени «полноты» Православной Церкви, эти господа начинают вместо спокойного и научного исследования поиск «раскольников» и «сектантов», пытаясь натравить на всех им неудобных не только церковные, но и светские власти, для чего развешиваются ярлыки типа «ереси царбожничества», измышляются несуществующие «требования канонизации» царя Иоанна. В ход идут клички вроде «религиозных экстремистов» и даже «православных ваххабитов».

«Идея такой канонизации – провокационная», – вновь и вновь, как заклинание, повторяют современные цареборцы. Конечно, это провокационная идея! Ими самими выдуманная, ими раздуваемая, ими насаждаемая в умах доверчивых людей. Никто из выступивших в печати исследователей – сторонников царя Иоанна Грозного и не думал ни «требовать», ни просить о его канонизации. Да и зачем? Из церковных документов известно, что царь еще три столетия назад прославлен как местночтимый святой.

В фарватере вышеназванных церковных и светских исследователей идет множество других, весьма активно подвигающихся на ниве цареборчества авторов, в том числе журналистов и публицистов, таких, как Э. Радзинский, Б. Кнорре, С. Бычков (не путать с Русланом Бычковым), А. Крылежев, С. Чапнин и пр.

Лучше всего отношение «научного мира» к Иоанну Грозному иллюстрирует следующий пример.

Несколько лет назад в Александровой слободе (музее, значительная часть экспозиции которого посвящена царю Иоанну Грозному) в одной из палат на стене находилось описание обряда венчания Царя со своей N-ной «женой». На просьбу сделать копию данного «документа» заведующая музеем дала совершенно сногшибательный ответ: «Понимаете, от XVI века сохранилось очень мало письменных источников. Поэтому мы взяли описание брачного обряда XVII века и использовали его. Ведь обряд за сто лет не изменился...»

Но в табличке на стене ясно говорилось о том, что это описание свадьбы Ивана Грозного, и даже указывалось, на ком... И никого не волновало, что для любого экскурсанта такая филькина грамота послужит «научным доказательством» и царского «многоженства», и «некомпетентности» тех, кто пытается очистить образ царя от потоков нечистот, которые лили и льют на него «компетентные» историки. Иначе говоря, для самих научных сотрудников, в случае, когда речь заходит о царе Иоанне Грозном, подобное пренебрежение историческими фактами и введение в заблуждение «простого» посетителя музея (либо читателя книги) является нормой.

Первым из наших современников, кто попытался разорвать паутину лжи, сплетенную вокруг личности и дел Грозного царя, был приснопамятный митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев, + 1995), один из самых почитаемых за свое благочестие и любовь к России иерархов Русской Православной Церкви, доктор исторических наук, автор нескольких книг по церковной и светской истории.

Его известный труд «Самодержавие Духа» (1993 г.) – книга, посвященная истории Русской государственности в свете учения о симфонии светских и духовных властей. В ней митрополит Иоанн бескомпромиссно встал на защиту царя Иоанна Васильевича, посвятив ему две главы и написав, в частности о царе следующие слова: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его. Это евангельское изречение, пожалуй, точнее всего передает суть многовекового спора, который ведется вокруг событий царствования Иоанна Грозного... Не было никакого «тирана на троне». Был первый русский царь – строивший, как и его многочисленные предки, Русь – Дом Пресвятой Богородицы и считавший себя в этом доме не хозяином, а первым слугой».

Владыка Иоанн собрал тогда под свое крыло многих из тех, кто в конце 90-х годов прошлого века и в начале нашего продолжил его труды по очистке русской истории от либеральных и западнических наслоений. Среди них можно указать таких известных ныне в право-

славно-патриотической среде историков и публицистов, как К. Душенов, С. Фомин, А. Хвалин, Л. Болотин.

В октябре 2002 года в Москве прошла конференция «Исторические мифы и реальность», посвященная, в том числе, и различным аспектам истории царствования Иоанна Васильевича Грозного. Конференция была организована по благословению весьма почитаемого в Православной церкви старца Николая (Гурьянова). Известно, что он не только положительно отзывался о царе Иоанне IV, но и имел в своей келье его икону.

Конференция стала смотром патриотических сил России, в ней приняли участие известные православные историки, публицисты, писатели и общественные деятели: диакон Евгений (Семенов), Т. Миронова, С. Фомин, Л. Болотин, А. Хвалин, И. Евсин, В. Саулкин, Ю. Самусенко, А. Сенин, В. Осипов (не путать с профессором А. Осиповым!) и многие другие. Среди тех, кто продолжает труды свт. Иоанна (Снычева), можно назвать таких разных людей, как политолог С. Шатохин, глава православных хоругвеносцев Л. Симонович-Никшич, игумен Алексий (Просвирин), юрист В. Ерчак (Белоруссия), канд. ист. наук Н. Н. Скуратов, историк и канд. филос. наук Н. И. Виноградов.

Поэтому попытка механически соединить в некое единое маргинальное движение и загнать в социальную резервацию столь широко представленные, но весьма различные слои патриотической общественности была заранее обречена на провал.

Как замечает один из «наблюдателей» со стороны антицарского лагеря Б. Кнорре, «... жизнь показывает, что почтение к фигуре Ивана Грозного растет в обществе не только на периферии российской политики... Фигура Грозного становится все более заметной в общественно-политическом пространстве, причем с явной положительной переоценкой, в особенности, когда нужно подчеркнуть имперскую сущность России и указать на пагубность для России «ненавистного сепаратизма».

Действительно, с начала 2000-х годов различные общественные и политические движения все чаще говорят о необходимости пересмотра в сторону положительной оценки идейного и политического наследия Иоанна Грозного.

Так, одной из партий, которые декларируют обращение к опыту Грозного царя для возрождения современной России, является «Международное евразийское движение» Александра Дугина, указывающего на необходимость создания параллельной иерархии и элиты в виду загнивания ныне существующей. По его мнению, эта иерархия должна представлять собой «Русский Орден» новых опричников.

Появляются и статьи светских авторов, которые (без обращения к религиозным аспектам) дают высокую оценку правлению царя Иоанна Васильевича. Такова, например, статья политолога М. Брусиловского «Грознодицея» в которой он крайне положительно оценивает правление Иоанна Грозного как победителя сепаратизма, основателя империи, которая смогла устоять в период смуты.

Как показывает история с установкой памятника царю в Ярославской области, отношение к Иоанну Грозному меняется уже и в органах государственной власти, пусть и низового уровня. Вряд ли подобное происходит случайно, скорее, является осознанием как гражданским обществом, так и представителями власти необходимости противостоять разрушительным, антигосударственным и антинациональным тенденциям и использовать для этого имеющийся положительный опыт прежних веков.

«Выходит, – печально заканчивает свою статью Б. Кнорре, – что помимо «церковного формата» складывающегося культа Грозного, опричные симпатии отвоєвывают себе все больше пространства и в светском российском обществе. Глорификация Ивана IV бытует не только в среде националистических маргинальных групп, но проявляет себя уже и на вполне официальном уровне, в среде политической элиты, как показывает ситуация с памятником. В

общем «тропа» к Ивану Грозному в России «не зарастет», а скорее, будет в ближайшее время еще больше «расчищена»...»

Что тут скажешь? Аминь!

4. Мистическая геополитика

Однако зададимся вопросом: почему же такую неприкрытую ненависть сначала в Европе, а потом и среди доморожденных либералов, вызывает вот уже в течение четырехсот лет именно царь Иоанн Грозный?

Для ответа на этот вопрос придется вернуться на пять столетий назад, в эпоху так называемых Географических открытий. Когда в конце XV – начале XVI века начался процесс «освоения» европейцами других материков, между Испанией и Португалией возник территориальный спор: они никак не могли поделить между собой – ни много ни мало – весь остальной мир. Тогда они попросили рассудить их папу римского. Тот решил просто: провел по карте линию, и все, что оказалось с одной стороны, отошло к Испании, а с другой – к Португалии.

Но вскоре в гонку за раздел мира вступили и другие европейские страны: католическая Франция и протестантские Англия и Нидерланды. При всех нюансах, политику колониальных стран по отношению к захваченным территориям роднили две основные тенденции: стремление к использованию материальных ресурсов своих колоний и жестокое, вплоть до уничтожения, отношение к аборигенам.

Хуже всего обстояли дела на территориях, захваченных протестантами, прежде всего, на территории будущих Соединенных Штатов. Протестанты просто уничтожали аборигенов, не признавая их за творение Божие. При этом использовались самые подлые методы. Например, индейцам в обмен на шкуры давали зараженную оспой одежду и одеяла, отравленную пищу и т. п. Вымирали целые племена. Всему миру известна американская поговорка: «Хороший индеец – мертвый индеец». За скальп мертвого индейца (не только мужчины, но и женщины, и ребенка) выдавалось денежное вознаграждение.

Так же жестоко действовали англосаксы и в других частях света. Подавляя восстание сипаев в Индии, англичане живьем рвали пленных в клочья, расстреливая их из пушек. В Австралии англичане полностью уничтожили аборигенов острова Тасмания. Подобные примеры можно множить до бесконечности.

Если присмотреться, то станет ясно, что особенности европейской экспансии «нового времени» в Азии, Америке и Африке полностью совпадают с основными чертами современного глобализационного процесса: локальные войны с применением современных, недоступных противнику, видов вооружений; разрушение государственных и социальных структур на захваченных территориях; овладение природными и трудовыми ресурсами; уничтожение «излишков» (не задействованных в производстве) населения; рабство и резервации для оставленных в живых; использование местной элиты для достижения своих планов.

Не покрывив против исторической истины, можно назвать «эпоху географических открытий» началом процесса глобализации, тем более что примерно в то же время (XIV–XV вв.) происходят принципиальные изменения в религиозной, социальной и культурной жизни Европы, которые обусловили перерождение христианской европейской цивилизации в так называемую иудео-христианскую, ставшую питательной почвой для современного мондиализма (религиозной составляющей глобализации).

Таким образом, в XV–XVI вв., когда в Европе победило «новое» мышление, закончился период господства христианства, «средние века» (средние – между языческой античностью и «Возрождением» язычества), а сама Европа стала мировым гегемоном, сложились как идеологические, так и геополитические предпосылки завершающегося ныне процесса глобализации. Нетрудно заметить, что сам процесс растянулся на пять столетий. Является ли такой долгий инкубационный период естественным, или он есть следствие каких-либо препятствий на пути «европейского прогресса»?

Тут надо вспомнить, что большинство православных народов ожидали кончину мира и Второе пришествие Христова также на переломе XV и XVI веков – в 1492 году, когда исполнялась седьмая тысяча лет от сотворения мира. Но кончина мира не состоялась, она была отодвинута волей Всевышнего.

И не последней причиной тому явилось возникновение Третьего Рима – Православной удерживающей империи. Это была Русь, которая в 1480 году стала единственным в мире независимым православным государством. С того момента и начался бурный духовный и физический рост Московской Руси, охватившей через пару столетий 1/6 часть суши.

Переломным моментом в истории Русского государства стало время правления царя Иоанна Грозного. Если его отец и дед завершили объединение всех свободных русских княжеств в единое государство, то перед ним стояла более грандиозная внешнеполитическая задача. С одной стороны, царь Иоанн IV должен был вернуть отторгнутые у России во время татаро-монгольского ига юго-западные территории, а с другой – нейтрализовать угрозы, исходящие от осколков Золотой орды (Казани, Астрахани и Крыма) и от западных стран – Швеции, Ливонии, Литвы и Польши. Это означало войну на выживание, избежать которой не было никакой возможности. Русь должна была или победить, или погибнуть в той борьбе.

Как отмечает доктор исторических наук Н. Скуратов, «главная угроза заключалась в том, что в это время возникли благоприятные условия для объединения под главенством Турции татарских ханств и многочисленных кочевых орд Причерноморья и Северного Кавказа. Такое объединение было чревато утратой нашей независимости и новым, еще более жестоким игом». И названная угроза – не преувеличение, достаточно вспомнить пятивековое османское иго славянских народов на Балканах, продлившееся до конца XIX века.

Задача осложнялась еще и тем, что Московская Русь впервые за триста лет выступала на международную арену как суверенное государство. До того времени она находилась под протекторатом Золотой орды и действовала как один из ее субъектов, причем большую часть политического и военного потенциала Москвы поглощала борьба за единство Руси.

Еще большие трудности создавала необходимость одновременно с военным противостоянием внешнему противнику вести борьбу с противником внутренним (ересью жидовствующих в Церкви и сепаратизмом князей) за укрепление самодержавной власти в стране. Это требовало социальных и экономических преобразований, наведения порядка в Церкви и реформы правительственного аппарата.

С большинством из поставленных задач, как внешних, так и внутренних, царь Иоанн Грозный блестяще справился. В результате его правления Россия увеличила свою территорию вдвое – с 2,8 до 5,4 млн. кв. км; прирост населения составил от 30 до 50 %; было основано 155 новых городов и крепостей. Были присоединены царства Казанское, Астраханское, Сибирское, Ногайская орда, часть территории Северного Кавказа (Пятигорье).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.